

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

Отдел Ц. К. В. К. П. (б.) по изучению истории Октябрьской революции и В. К. П. (б.)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1 (60)

Я Н В А Р Ь

10-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

"Дом Плеханова"
№ 92-1118/35

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Г. Шилковский. Владимир Ильич и Плеханов (из воспоминаний)	5
М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче	36
А. Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове	70

СТАТЬИ.

О. Вейланд. Августовский блок 1911—1914 гг.	125
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ.

Д. Благоев. Краткие воспоминания из моей жизни (перевод с болгарского)	184
А. Шотман. На 2-м съезде партии	214

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ.

С. Кривцов. Н. А. Рожков (некролог)	233
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Рубинштейн. «Падение царского режима». По материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства, т. т. I—VI	237
И. Минц. «Борьба за Советы» (1918—1919 гг.) Сборник Архангельского Истпарта	246
И. Гальперин. «Молодежь в гражданской войне». Сборник, составил И. Владимиров»	249
Т. Петухова. Александр Попов. «Из истории забастовочного движения накануне империалистической войны»	250
Е. Мороховец. «Революция 1905 г.». Сборник. Новгород. 1925 г.	251
Р. Хабас. Г. Ибрагимов. «Татары в революции 1905 г.»	252
Р. Хабас. «Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг.». Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов	254
О. Бош. «Отражение первой русской революции в Северо-Двинской губернии». Сборник	255
Н. Знаменский. «1905 год в Астрахани». Сборник	256

IV Всесоюзное совещание заведующих Истпартоделами 4—8 января 1927 г.	259
Письма в редакцию	279
Указатель статей по Февральской и Октябрьской революциям, помещенных в журнале «Пролетарская Революция» за 1921—1926 гг.	290

Владимир Ильич и Плеханов.

(Из воспоминаний).

І. Два вождя.

Первая моя встреча с В. И. произошла весной 1903 г. в Берне, в Швейцарии.

Я только что приехал из России и вступил в бернскую группу «Искры». Бернская русская колония того времени насчитывала человек около 1.000, и не меньше половины ее состояли членами различных партий. Почти вся она состояла из студентов различных факультетов, а политические эмигранты составляли в ней лишь незначительный процент. Старые эмигранты, среди которых были и бывшие народовольцы, часто вздыхали по поводу характера колонии: «Что нынче за молодежь пошла — все обучается своей медицине, а о народе мало думает. То ли дело в наше время...». Тем не менее, политическая жизнь буквально была ключом, и собрания, сходки, дискуссии, на которых часто спорили до хрипоты по несколько вечеров под ряд, не прекращались. Лучшие партийные силы того времени, бывшие в большинстве своем в эмиграции или временно приезжавшие туда, принимали самое деятельное участие в этих собраниях.

Колония — почти сплошь студенческая, сплошь интеллигентская.

Различно подходили к этой массе лидеры партии, но всею интересовались, относились к ней серьезно, боролись за влияние на нее, ухаживали за каждым серьезным студентом, стараясь завербовать его в свой лагерь.

Партий и группировок было тогда много, но наиболее сильной организацией в Швейцарии была тогда Бундовская. Эсеры, не-

давно об'единившиеся формально в партию, правда, без программы и без ясно выработанной тактики, и другие, близкие к ним народнические группировки, занимали по численности второе место, затем шли сионисты, союз русских соц.-демократов за границей, поддерживаемый Бундом, и др. Искровская группа, возглавляемая Любовью Исааковной Аксельрод (Ортодокс), не могла похвастать многолюдством и не насчитывала и десяти членов.

Тем не менее, устроенные этой группой лекции Вл. Ильича по аграрному вопросу, которое он читал в течение трех вечеров, привлекли всю колонию.

С литературными работами В. И. я до этого был хорошо знаком, и все, что вышло из-под его пера, мною было тщательно проштудировано, но трудно представить то глубокое впечатление, которое производила его живая речь, полная неумолимой железной логики, вколачивающая в головы слушателей мысли, словно гвозди, которых никакими клещами не вытащишь. Они убивали его противников, хотя последние весьма «храбро» защищались, но, по существу, беспомощно барахтались.

Впрочем, главные лидеры противной партии, т.-е. народников, на этот раз не выступали, и из серьезных оппонентов выступал один лишь эсер Анский. Лет через 5 Вл. Ильич, вероятно, иначе отвечал бы Анскому. В его ответе, несомненно, было бы гораздо больше сарказма, шуточек, иронии, но тогда он отвечал ему серьезно, аргументировал, доказывал, убеждал. Молодой лев выявлял гигантские силы своей логики и аргументации, легко сбивая противника с его позиций. Когда, по окончании реферата, я подошел к Вл. Ильичу вместе с покойным тов. Боградом¹⁾, то Владимир Ильич говорил нам по адресу Анского, как бы сам удивляясь тому, что господь бог может создать таких мытарей — «ведь это же типичнейший мелкий буржуа»...

До Вл. Ильича мне приходилось уже много раз слышать корифеев нашей тогдашней эмиграции. Плеханова я слышал, по крайней мере, раз пять до лекции Ильича (впервые я его слышал 1 мая 1899 г.). И у меня невольно напрашивалось сравнение двух наших подлинных руководителей.

¹⁾ Тов. Боград, видный меньшевик — плехановец, интернационалист во время войны, большевик во время революции, был расстрелян в 1919 г. Колчаком.

Плеханов появлялся на трибуне всегда в хорошем, аккуратно застегнутом сюртуке; вычищенные ботинки, выглаженные брюки, крахмальный воротник и соответствующий галстук, волосы гладко зачесаны назад, борода аккуратно выстрижена и весь он выглядел «благовоспитанным» европейцем.

Ильич же на свою внешность обращал столько же внимания, сколько любой русский студент-«нигилист». Борода его росла тогда во все стороны, и о стрижке ее он не заботился и это, между прочим, шло к нему гораздо лучше, чем когда он, по отношению к ней, применял методы европейской цивилизации...

Речь Плеханова была всегда гладкой, красивой, во-время вставлялось остроумное словечко или изящный анекдот и не трудно было заметить, что на форму речи оратор обращает большое внимание.

Прямой противоположностью была речь Ильича. Аргументация, доводы, цифры, марксистская логика — этим он давил на свою аудиторию, но ни одного «приличного» анекдота, ни одного изящного стихотворения, никаких ораторских выкрутасов, не заботился даже о том, чтобы закончить свою речь эффектной фразой, чтобы вызвать аплодисменты. А слушатели уходили подавленные обилием идей и мыслей, которые им приходилось выслушивать от него в течение одного вечера.

Для нас, рядовых искровцев, Ленин и Плеханов были два руководителя партии, думающих абсолютно одно и то же, оба ортодоксальные марксисты, противники ревизионизма, оба с одинаковой страстностью готовые наброситься на всякого несогласного с Марксом или уклоняющегося от пути Маркса, и никому из нас и в голову не приходило, что между ними могут быть какие-то разногласия. Наступивший на втором съезде партии раскол искровцев был для нас ошеломляющей неожиданностью. Еще большей неожиданностью был для меня № 52 «Искры» со статьей Плеханова: «Чего не нужно делать», прочитанный мною в глухой провинции в начале 1904 г., где Плеханов выступал открыто за меньшевиков против Ленина.

Когда я, во время третьего съезда, старался проинтервьюировать Надежду Константиновну насчет истории раскола, она упомянула и о том, что и в редакции старой «Искры» были уже сильные расхождения, из которых логически вытекали будущие разногласия меньшевиков и большевиков. Но она была весьма

скупа на слова и существенных подробностей о былых разногласиях я от нее тогда так и не узнал. Несколько больше о расхождении между Плехановым и Лениным я узнал уж гораздо позже, лет через десять, во время империалистической войны, когда Влад. Ильич и Надежда Константиновна перекочевали из Кракова в Швейцарию. Сейчас каждый интересующийся может с исчерпывающей подробностью проследить весь ход мыслей двух гигантов мировой революционной мысли по тем материалам, которые напечатаны в Ленинских сборниках. В задачу данной статьи, однако, не входит разбор этих разногласий — здесь скорее попытка дать характеристику двух вождей в их взаимоотношениях, главным образом, по личным воспоминаниям.

II. Отношение Влад. Ильича к Плеханову.

Общеизвестно, с каким благоговением и любовью Владимир Ильич относился к Плеханову в первый период своей деятельности. В рассказе «Как чуть не потухла «Искра» (Ленинский сборник I, стр. 33—47), написанном 2/IX—1900 г., Владимир Ильич употребляет такие выражения: «Никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, *vénération* (благоговением), ни перед кем я не держал себя с таким «смирением»... «Младшие товарищи (т.-е. В. И. и Потресов. — Г. Ш.) «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему». «Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности, как рабы» и т. д.

И, несмотря на то, что впоследствии Ильичу пришлось неоднократно выступать против Плеханова, притом часто со всей резкостью и страстностью борца, эта «влюбленность» его в Плеханова, можно без преувеличения сказать, у него никогда не проходила. Первое горькое «разочарование» Владимиру Ильичу пришлось испытать осенью 1900 г., когда он вместе с Потресовым вел переговоры с группой «Освобождение Труда» от имени «тройки», т.-е. своего, Потресова и Мартова, об издании за границей общеполитической газеты и научного журнала, результатом чего явились «Искра» и «Заря». Когда вчитываешься в «Как чуть не потухла «Искра», где подробно излагается ход и исход этих переговоров, то местами забываешь, что это пишет не насквозь деловитый Ильич, а кажется, что какой-то санти-

ментальный влюбленный юноша повествует о своих «разочарованиях»... «Идеал разбит», «влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление», «свергнутый кумир», «мою «влюбленность» в Плеханова как рукой сняло» и т. д. И чем больше колкостей Владимир Ильич старается наговорить Плеханову, тем больше чувствуешь его влюбленность в него.

Когда же мы ближе присматриваемся к предмету спора, то мы видим в описании Владимира Ильича картину, как два медведя собрались поселиться в одной берлоге... Один с огромнейшим прошлым, основоположник русского марксизма, «диктатор» группы «Освобождение Труда», еще полный сил и энергии, а другой — молодой, «ученик», не подозревавший еще тогда, какую конкретную мировую роль ему придется сыграть в будущем, но уже хорошо знавший себе цену и возмущавшийся тем, что ему «ставят условия», которым он обязан беспрекословно подчиниться, а когда он делает уступку, то это принимается так, «точно это само собой подразумевалось, что мы не можем не уступить!».

Да, до сих пор это так и бывало. Плеханов знал, что, если кто с ним не соглашался, то тот должен либо уступить, либо скатиться к оппортунизму. А тут, в его же берлоге выросший, им же воспитанный молодой медведь говорит, что вовсе не обязательно, чтобы я тебе уступал, мы можем побороться...

В описываемом споре не малую роль играет «генеральство» Плеханова, но было бы величайшей ошибкой объяснять все одним генеральством. У Плеханова было слишком много оснований относиться с известным недоверием к приезжавшим к нему молодым россиянам. Сколько было у него случаев, когда хорошие товарищи-практики через какой-нибудь год-другой отходили от движения: одни перестали быть активными, другие просто успокаивались на казенной службе, по окончании университета. А те, которые оставались верны движению, разве они не делали крупных ошибок принципиального характера? Разве расцвет экономизма в России, разве постоянная борьба «Союза Русских Социал-демократов за границей» с Плехановым не указывали ему на чрезвычайные трудности, какие встречала революционная социал-демократическая мысль в России, с ее слабо развитым рабочим движением? Разве все это не должно было заставлять Плеханова всегда настораживаться, быть на-чеку, относиться с чрезвы-

чайной осторожностью к молодым российским практикам, с которыми надо раньше пуд соли съесть, чтобы иметь хоть минимальную уверенность, что они не свернут с правильного пути? А тут от тебя требуют «равноправия» и даже больше того, — у Ленина есть определенное желание использовать максимально стариков, а руководство оставить за собою, чего не мог не видеть Плеханов.

В этом споре было достигнуто компромиссное решение, но фактически победил Ленин. Редакция «Искры» поселилась сначала в Мюнхене, а потом в Лондоне, но не в Швейцарии, как это хотелось старикам, и фактически все дело находилось в руках Ленина, за которым шли Мартов и Потресов, а иногда и В. И. Засулич, также жившая в Мюнхене.

Сильные принципиальные разногласия между Владимиром Ильичом и Плехановым начались, как известно, при обсуждении будущей программы партии. В этих спорах за Плехановым шли П. Аксельрод и В. И. Засулич, но кой-какую брешь в плехановскую гвардию Владимир Ильич смог внести. Вот как описывает этот момент в своих воспоминаниях Надежда Константиновна.

«Готовилась к съезду программа партии. Для обсуждения ее приехали в Мюнхен Плеханов и Аксельрод. Плеханов нападал на некоторые места наброска программы, сделанного Лениным. Вера Ивановна (Засулич) не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна (Засулич) хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова, и он хочет прогуляться... (Н. Крупская. Воспоминания, стр. 59, изд. «Прожектор».)

Как относился в то время Владимир Ильич к своим разногласиям с Плехановым, видно из тех же воспоминаний Надежды Константиновны. Там же, на стр. 60 она рассказывает:

«Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся.

«Прочитав статью Владимира Ильича к четвертому номеру «Зари», Плеханов вернул ее Вере Ивановне с примечаниями

на полях, вылив в них всю свою досаду. Владимир Ильич, увидав их, совершенно выбился из колеи, заметался.

На втором съезде, как известно, произошла перегруппировка сил. В то время, как до сих пор разделение было на стариков и молодых, или на членов группы «Освобождение Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и российских работников (Ленин, Мартов, Потресов-Старовер), то теперь Плеханов пошел за Лениным, а Мартов и Потресов пошли за Аксельродом и Засулич. Но это разделение продолжалось недолго. Плеханов скоро перешел к меньшевикам.

Мне рассказывали потом (за достоверность не ручаюсь), что одним из моментов, способствовавших переходу Плеханова на сторону меньшевиков, послужило следующее. Как известно, одним из пунктов расхождения между большинством и меньшинством на самом съезде был и вопрос о составе редакции ЦО «Искры». До съезда в состав редакции «Искры» входили Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод, Засулич и Потресов. На съезде Ленин предлагал редакцию составить только из трех человек из тех именно, которые фактически больше всего работали в ней, а именно: Ленина, Плеханова и Мартова. Такой состав редакции вытекал из всей сущности взглядов Ильича на «Искру» и на организационный вопрос вообще. «Искра» — идейный организационный центр, вокруг которой собирается партия революционного пролетариата, «Искра» — боевой орган, там должны быть действительные редактора, редакция не должна быть громоздкой, для бесконечного разглагольствования там места нет. Выброшенные редактора были этим чрезвычайно обижены, им удалось перетянуть на свою сторону и Мартова. Еще в самый разгар борьбы за тройку или шестерку Владимир Ильич уговаривал Мартова не бунтовать и рассказывали тогда указывал ему на следующее преимущество тройки: в случае разногласия с Плехановым (а до сих пор их было много) Ленин и Мартов будут составлять в редакции большинство. Мартов передал это Плеханову, последний остро почувствовал реальность такой угрозы...

Когда я потом в 1905 г. во время третьего съезда партии в Лондоне заговорил с Ильичем о тройке и шестерке в редакции «Искры», Владимир Ильич заметил: «Конечно, если бы заранее знать, что из этого вопроса выйдет раскол в партии, то можно было от тройки отказаться»...

III. Переговоры с Плехановым о его переходе к нам.

После третьего с'езда я поехал в Женеву на пару недель, чтобы прочитать выпедшую за последние полтора-два года литературу (нашу, меньшевистскую, эсеровскую и др.) и мне пришлось тогда принять участие в переговорах между Ильичом и Плехановым, ведшихся по моей инициативе.

Как известно, меньшевики не могли сорвать третьего партийного с'езда, но им удалось уговорить членов с'езда меньшевиков не идти на с'езд, а устроить свою конференцию. Конференция эта состоялась в Женеве и заседала параллельно с нашим с'ездом. Перед меньшевистской конференцией стояли те же вопросы, что и перед нашим с'ездом, разрешали они их, конечно, по-своему, по-меньшевистски. Одним из лучших произведений Ильича того времени является его брошюрка «Две тактики», где дается оценка резолюциям нашего с'езда и меньшевистской конференции.

Но конференцией, как я узнал сейчас же по приезде в Женеву от своих недавних друзей, а ныне меньшевиков, остался недоволен и Плеханов. Л. И. Аксельрод (Ортодокс) устроила мне тогда несколько свиданий с Плехановым, на одно из них со мною пошли и покойный тов. Любич (Саммер), тов. Щур (Скрыпник) и еще двое других товарищей, имен которых сейчас не припоминаю. Во время нашей беседы Георгий Валентинович принял торжественный «генеральский» тон, и беседа вышла мало интересной. Гораздо интереснее были наши беседы один на один. Само собою, что своих карт он и тогда не раскрывал, не мог я точно узнать, чем он был недоволен и что ему не понравилось в меньшевистской конференции. Он ограничивался лишь тем, что говорил, что меньшевики хорошие теоретики, но, не в пример большевикам, плохие практики. Во всяком случае, из моих бесед с ним, а также с его ближайшим другом Л. И. Аксельрод (Ортодокс) для меня было совершенно ясно, что Плеханов ищет сближения с нами. Само собою, что о своих беседах я подробно информировал Вл. Ильича и получал от него соответствующие инструкции.

Когда я Плеханову осторожненько, щадя его самолюбие, поставил вопрос о переходе к нам, то он на это полуобиденно ответил:

— Как же я могу перейти к вам, когда Ленин окружил себя буржуазными демократами, которые в философских вопросах проповедают ревизию марксизма (намек на группу сборника «Вестник реалистического мирозерцания», среди которых были Луначарский, Богданов, Базаров и др., присоединившиеся после II съезда к нам). Затем, — говорил он, — вы проводите милитаризм в тактических вопросах, вы стоите за участие в буржуазном правительстве, хотя бы и временном, хотя бы и революционном, но все же буржуазном.

По поводу последнего я ему возразил, что в нашей резолюции об участии во временном революционном правительстве, корректурный оттиск которой я ему обещался доставить на другой день, сказано, что «при известных обстоятельствах допустимо участие» в таком правительстве. Плеханов сделал вид человека, облегченно вздохнувшего, и оживленно заговорил.

— А, допустимо — это совсем другое дело. При известных обстоятельствах, конечно, все зависит от обстоятельств, места и времени... и т. д., и т. д.

От Плеханова я направился к Ильичу, который от всей души хохотал по поводу этой «дипломатии» Плеханова. Однако один пункт задел и его больную струнку.

— Конечно, — говорил он, — я хорошо знаю, что философия Богданова и др. не-марксистская философия. Но разве теперь время заниматься философией? Все усилия партии направлены сейчас на организацию революции, а она идет полным ходом. В вопросах же тактики они все занимают выдержанную марксистскую линию. Кроме того, продолжал он, тут не малый грех и на душе Плеханова. Я не философ. Это он должен был вести борьбу с эмпириокритицизмом, махизмом и др., а он отделяется только сердитыми фразами и ни одной статьи не написал по существу против Богданова и его друзей.

Затем В. И. перешел к обсуждению вопроса о том, что можно было бы предложить Плеханову на случай перехода его к нам. Ответственной командной работы вроде председательствования в Совете партии, ему конечно, больше дать нельзя — опасно. Он уж раз подкузьмил нас. Да и никакого совета у нас больше нет. Можно, конечно, кооптировать его в ЦК с тем, чтобы поручить ему представительство партии в Международное социалистическое бюро и редактирование научного органа партии.

«Заря» (научный орган старых искровцев) уже 2 года не выходит, а такой орган нам необходим. Вот пусть он там и разделяется с философским ревизионизмом. Это будет очень полезная работа.

На другой день я передал Плеханову оттиск нашей резолюции об участии во временном революционном правительстве. Плеханов быстро прочитал ее и еще раз повторил, что в таком виде она вполне приемлема. Дальнейший разговор носил уж совсем товарищеский характер без напусского генеральства. Хотя он мне не дал положительного ответа, но редактирование «Зари» и представительство в МСБ ему очевидно улыбалось, однако, ограничиваться только этим он явно не хотел.

Через некоторое время вышло наше извещение о партийном с'езде, в котором были отпечатаны и резолюции с'езда. Я взял экземпляр «Известия» и отправился к Плеханову. К моему удивлению Плеханов на этот раз встретил меня весьма холодно и в течение нашей короткой беседы смотрел на меня «волком». Я сначала не мог понять причины такой резкой перемены в нем, но дело быстро разъяснилось. Когда я подал ему экземпляр «Известия», то Плеханов пренебрежительно бросил его в сторону, проронив сердито: «читал». Я в недоумении смотрел на него, стараясь найти причину перемены настроения Плеханова. После короткой, крайне неловкой паузы, он вдруг обиженно заговорил.

— Что же вы это, батенька, — меня из партии исключили?.. Я недоуменно взглянул на него.

Он взял наше «Извещение», пренебрежительно ткнул пальцем в то место резолюции о конституировании с'езда, где говорится: «таким образом три члена совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии» ¹⁾

¹⁾ Весь абзац соответствующей части резолюции гласит так:

«В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т.-е. во всяком случае, более $\frac{3}{4}$ от 34 комитетов.

Если 9 делегатов от названных комитетов не явились на с'езд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на с'езде объясняется не виною организационного комитета, а тем, что все усилия организационного комитета создать полноту представительства на с'езде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего совета партии (т.-е. Плеханова, Мартова и Аксельрода. — Г. III.).

Таким образом, три члена совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодей-

Я возразил ему, что это не исключение из партии, а только констатирование печального факта нарушения воли партии и ее устава, и что исключенных членов партии не приглашают в ЦК и не поручают представлять партию в МСБ и редактирование научного органа партии и т. д.

На это Плеханов, фыркая, ответил, что это указывает только на нашу нелогичность, и тут же разразился длинной филиппикой, что Европа этому не поверит, что мы станем посмешищем в глазах социалистического пролетариата всего мира и т. д., и т. п. Закончил он фразой: «Извините, батенька, Плеханова нельзя исключить из партии, ибо Плеханов это — программа партии, ее знамя!»

Я направился к Ильичу, чтобы сообщить ему о неожиданном повороте дела. Ильич заходил по комнате и огорченно заговорил:

— Вот, это и есть Плеханов! Обидчив, как дитя малое. Разве можно из-за этого расстроить дело? Он же отлично знает, что с меньшевиками ему не по дороге, он же такой умница, а вот поди же, из-за глупости вдруг обидится и испортит все дело.

Я, в свою очередь, не мог на этом успокоиться и направился к Л. И. Аксельрод-Ортодокс, которая повторила мне, только более пространно, фразы Плеханова о том, что над нами будет смеяться пролетариат всего мира, что Плеханова знает весь Интернационал, что Плеханов — знамя партии и т. д. Мои старания через нее убедить Плеханова, что из-за одной «неудачной» фразы нельзя расстроить серьезного дела, что речь идет о гораздо большем, о судьбе партии, о ее «революционном знамени» и т. д. ни к чему не привели. Плеханов был смертельно обижен, и о единоличном переходе к нам он больше не разговаривал. Вопрос был поставлен в другой плоскости, при чем все дальнейшие разговоры я уже вел не с Плехановым непосредственно, а через Аксельрод-Ортодокс.

стве, как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего совета партии ответственность за раскол партии и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

Плеханов поставил вопрос об объединении обеих частей партии. В передаче Ортодокс выходило, что Плеханов вне фракций, что он знает достоинства и недостатки обеих частей партии (меньшевики хорошие теоретики, а большевики хорошие практики), что он стоит выше фракций, что в такой момент раскол партии есть преступление, и поэтому он войдет в партию только тогда, когда обе части объединятся.

Я указал на то, что объединение партии является живейшим нашим желанием и всех членов съезда. Последнее мое уверение вызвало большие сомнения у Плеханова, который поверил сплетням меньшевиков о том, что Ленин не терпит противоречий и потому сознательно ищет раскола, чтобы единолично управлять партией. Я с тем большим основанием мог уверять его в противном, что, помимо известного мне настроения Владимира Ильича и членов съезда, на этот счет съезд выработал специальную резолюцию, неподлежащую опубликованию, где подробно были изложены условия возможного объединения с меньшевиками. Замечу в скобках, что эта резолюция, повидимому, не сохранилась, так как, насколько мне известно, она в печати до сих пор нигде не появилась. Результатом моих разговоров было совещание, устроенное при посредстве Плеханова, между представителями нашего ЦК и меньшевистского центра, выбранного на женевской конференции и назвавшегося Организационной Комиссией.

Не могу сейчас точно припомнить всех участников совещания. Помню лишь, что для этой цели Владимир Ильич телеграммой вызвал тов. Никитича (Л. Б. Красина), ушедшего на несколько дней в горы.

Тов. Красин приехал на другой же день, и вечером в моем присутствии состоялось совещание представителей обоих центров в боковой комнате одного из женевских кабачков. Ни Владимир Ильич, ни Плеханов в совещании участия не принимали, не было там и др. заграничных лидеров меньшевизма — ни Мартова, ни Аксельрода, ни Дана. Это было совещание российских практиков.

Совещание продолжалось недолго, так как выяснилось, что только наш съезд дал определенные инструкции и полномочия вновь избранному ЦК для ведения переговоров об объединении; меньшевистская же конференция своей Организационной Комиссии никаких директив на этот счет не дала. В виду этого решено

было, что оба центра будут продолжать переговоры в России, притом в плоскости объединения организаций на местах. Этим и кончилось мое участие в ведении переговоров между Владимиром Ильичем и Плехановым в мае — июне 1905 г.

IV. Русский ЦК и Плеханов. Противодействие Вл. Ильича.

Однако, мысль о привлечении Плеханова на нашу сторону не заглохла. Вышедший недавно пятый «Ленинский Сборник» приводит массу интереснейшего материала, относящегося к этому периоду и в том числе чрезвычайно интересные документы, освещающие отношение Владимира Ильича и влиятельнейших членов нашего ЦК к этому вопросу.

Раньше всего имеются резолюции ЦК, вынесенные 20 мая 1905 г., т.-е. как раз во время моих разговоров с Плехановым (в Женеву я приехал числа 14—15 мая). Резолюции эти были приняты, повидимому, на всякий случай, а привести их в исполнение должен был Владимир Ильич, в зависимости от исхода переговоров. Вот они:

«Постановления Центрального Комитета.

Центральный комитет назначает тов. Плеханова ответственным редактором Научного органа партии.

20 мая 1905 года.

Тидевейн (Л. Б. Красин), Ленин, Вадим (Д. С. Постоловский).

Центральный комитет поручает тов. Плеханову представлять Российскую соц.-дем. раб. партию в Международном социалистическом бюро.

20 мая 1905 года. Тидевейн (Л. Б. Красин), Ленин, Вадим (Д. С. Постоловский).

Оба вышеизложенные постановления поручается привести в исполнение тов. Ленину, как только закончатся в благоприятном смысле начатые переговоры». (V Ленинский Сборник, стр. 292.)

О существовании этих резолюций я не знал или знал, но успел основательно забыть. Во всяком случае, сейчас эти резолюции были для меня приятным сюрпризом, ибо ничего не может быть приятнее, когда вдруг находишь документ, подтверждающий правильность сохранившегося в памяти. Другие документы V Сборника рисуют дальнейший ход начатых в Женеве пере-

говоров. Несмотря на женевские неудачи, о которых тов. Красин был хорошо осведомлен, ЦК в России в присутствии, и вероятнее всего, по инициативе тов. Красина принимает 9 июля новое постановление о назначении Плеханова нашим представителем в МСБ и редактором Научного органа партии.

Соответствующая резолюция гласит:

1. «На основании § 5 устава РСДРП ЦК постановил предложить тов. Плеханову быть представителем партии в Международном Социалистическом Бюро».

2. «Революция, охватившая Россию, выдвинула целый ряд крупнейших вопросов, нуждающихся в теоретической разработке с точки зрения научного социализма. Стремясь удовлетворить потребность партийных работников в научном социал-демократическом органе, ЦК постановил: 1) предложить тов. Плеханову взять на себя организацию и ведение литературной стороны издания партийного соц.-демократического научного органа, на правах его ответственного редактора; 2) обеспечить с технической и финансовой стороны издание предлагаемого органа.

Явейн (Красин), Дюбуа (Постоловский), Рейнерт (Богданов)».

Тов. Стасова, сообщавшая Владимиру Ильичу об этих постановлениях ЦК, добавляет:

«Эти два постановления еще не разосланы по комитетам и будут разосланы только в том случае, если вы по условиям, которые вам лучше известны, найдете его правильным и подлежащим опубликованию». (Ленинский Сборник, стр. 473—474.)

Ни постановления, ни письмо секретаря ЦК тов. Стасовой не говорят, однако, кому поручено провести эти решения в жизнь. Тов. Стасова говорит только о рассылке по комитетам, «если найдете его правильным». Оно, далее, не ставит Плеханову никаких условий, в зависимости от которых ему будет поручено выполнение таких важнейших партийных функций. Нет ничего удивительного поэтому, что решение русского ЦК вызвало серьезные возражения со стороны Владимира Ильича. В письме на имя ЦК без даты, которое редакция «Ленинского Сборника» относит к июлю 1905 г., которое, повидимому, является ответом на письмо тов. Стасовой с сообщением о приведенном выше постановлении, Владимир Ильич пишет:

«Насчет Плех[ано]ва удивляюсь крайне, что вы обошли молчанием вопрос, еще с Винтером (Л. Б. Красиным) поднятый у нас здесь. Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который нежелает войти в партию и признать III съезд? Теперь, ведь, он печатно заявил, что III съезд законным не считает и представителем будет лишь от обеих фракций. Здесь ряд товарищей указывал уже тогда, к[ог]да Винтер (Л. Б. Красин) был здесь, что, назначая Плех[ано]ва, мы только разбалует и окончательно испортим его. Я сначала был за Плех[ано]ва, но теперь вижу, что назначить его без условий нельзя. Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого невозможно заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя! Мы теперь добились-таки прямых сношений бюро (Международного социалистического бюро) с нами и видим, что есть немало делишек и денежных, и других (обращения от имени России и по поводу России, о чем я им недавно писал; способ представительства, о чем они меня запросили на днях, и т. д.). Бюро писало, что есть опять какое-то «предложение Бебеля» (до нас еще не дошедшее); должно быть опять старикашка «мирить» собрался (Каутский поместил преподлую статью по поводу немецкого издания «Извещения»). Подумайте, каково наше положение, если представителем будет Плеханов, и Плех[ано]ву придется иметь дело с Бебелем по вопросу о «мире»? Я очень хорошо понимаю, какие сильные резоны заставляют нас всех и вас особенно желать «мира», желать назначения Плеханова, но я убедился, что такие шаги, без реального обеспечения мира, будут лишь фальшивым шагом, еще более запутают дело, вызовут новые расколы, нарушения договоров, пререкания, новое озлобление и только отдалят дело объединения. По моему, все толки об объединении будут пустой фразой, пока не выработается на опыте осуществимый план его: к этому идет дело, надо выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции (т.-е. женевской меньшевистской конференции. — Г. Ш.), пусть опыт разрушит их идиотский «организационный» устав, пусть опыт посократит их претензии (ибо, в общем, у нас дела лучше и мы, явно, идем к победе), — тогда начнутся переговоры прямые, без посредников, между центрами, тогда мы выработаем (сразу или с двух, трех

раз, не берусь сказать конечно) *modus vivendi*. А теперь надо бороться.

Мое предложение: сделать «предложение» Пл[ех]ано[ву] в духе вашем, но с условием, если он пожелает признать III с'езд, войти в партию и подчиниться ее решениям. Таким шагом мы аппарансы соблюдаем и обезвредим всякую возможную путаницу.

До получения вашего ответа не буду ничего предлагать Плеханову. Очень прошу отложить решения до нашего свидания в сентябре». (V Лен. Сборн., стр. 479—480.)

Тем временем, справедливые опасения Владимира Ильича получили новое подтверждение и еще больше осложнили дело. 16 июня Плеханов написал письмо в МСБ (см. приложение I), в котором он изобразил по-своему положение дел в партии. Владимир Ильич, конечно, не мог оставить без внимания письмо Плеханова и письмом от 24 июля (см. приложение II) на имя МСБ постарался опровергнуть плехановское изображение положения дел в партии, а также и его утверждение, будто бы «обе фракции просили меня (Плеханова) продолжать быть представителем РСДРП в МСБ». Об этой истории Владимир Ильич пишет центральному комитету 28/VII следующее:

«О Плеханове. Мы поручили специальному агенту Лядову рассказать вам, как стоит вопрос. Повторяю вкратце. Плеханов невероятно нахально поступил, написав в Междунар[одное] Соц[иалистическое] Бюро, что его уже признали (!) обе фракции, и обругав, опорочив всячески наш III с'езд. У меня есть копия его письма, присланного мне из Бюро. Она будет вам послана. Я добился с великим трудом сношений с М[еждународным] Со[циалистическим] Бюро и опроверг Плеханова. Плех[ано]в тогда отказался от представительства. Вы знаете, что я вовсе не был безусловным противником назначения Плех[ано]ва, но теперь это было бы прямо немыслимо. Это настолько дезавуировало бы меня, что мое положение стало бы невозможно. Это окончательно уронило бы нас в глазах М[еждународного] со[циалистического] бюро. Не забывайте, что все почти заграничные со[циал]-демократы на стороне «икон» и нас считают ничем, третируют. Вы испортите все дело, если сделаете неосторожный шаг. Поэтому убедительно прошу Вернера (А. А. Богданова) и Шмидта (П. П. Румянцева) как можно скорее, хотя бы провизорно, подтвердить мои шаги. Это раз. А второе: предложить Плех[ано]ву

научный орган от имени ЦК РСДРП, но с условием, ч[то]бы Плех[ано]в признал 3-й с'езд и обязательность для себя его решений. Если он отвергнет, тогда вина падет на него, а мы доказали свое примиренство. Если он примет, тогда мы сделаем дальнейший шаг навстречу. Итак: решение о представительстве убедительнейше советую отменить, а о научн[ом] органе редактировать с этим условием». (См. V Ленинский Сборн.» стр. 483—484.)

Однако русские члены ЦК, повидимому, не согласны были с точкой зрения Ильича.

Они всячески медлили с назначением представителя в МСБ. Вели переговоры с меньшевиками об объединении, при чем чрезвычайно скверно информировали Ильича об этих переговорах, так что в одном письме Ильич даже угрожает жаловаться на российских членов ЦК IV с'езду: «Ей богу, буду».

В письме от 3/X Владимир Ильич опять напоминает ЦК свою «настойчивую» просьбу ответить, наконец, Международному соц. бюро по вопросу о конференции с ним, а по поводу назначения Плеханова в МСБ пишет:

«Насчет Плеханова тоже формально и окончательно: да или нет. Кого же назначить? Отсрочка этого вопроса крайне опасна».

8 октября Владимир Ильич опять пишет ЦК о Плеханове:

«Дорогие друзья. Спешу уведомить вас об одном важном повороте дел по вопросу о представительстве в Межд[ународном] Бюро. Южно-рус[ская] к[он]ф[ерен]ция м[еньшеви]ков приняла об этом резолюцию, в к[ото]рой: 1) грубая ложь на мой лично́ счет. Я отвечаю в № 20 «Прол[етария]», выйдет послезавтра; 2) Плех[ано]ва просят быть представителем их части партии¹⁾».

Это именно то, что вам нужно! Пл[ех]ано[в], конечно, уважит их просьбу. Его квази-нейтралитет, гибельный для нас, будет сорван, что и требовалось доказать. Пусть в М[е]жд[ународном] Бюро будет двое: от б[ольшинст]ва один и от м[еньшинст]ва один. Это всего лучше. При этом, если Пл[ех]ано[в] будет от м[еньшинст]ва, это еще лучше. Это превосходный прецедент для будущего объединения. Усердно прошу: бросьте теперь совсем

¹⁾ В этой же резолюции южно-русская конференция обращалась «ко всем организациям «большинства» с предложением высказаться по этому вопросу и с своей стороны уполномочить Плеханова на это представительство»...

мысль о Плех[ано]ве и назначьте своего делегата из б[оль]ш[ин-ст]ва. Т[оль]ко т[ог]да мы вполне будет обеспечены. Хорошо бы назначить Орловского (В. В. Воровского). Он знает языки, умеет говорить и обладает представительностью. Большая часть сношений письменная, почти все, и мы, конечно, стали бы советовать. Хотя и советовать не о чем: уверяю вас по опыту, что это представительство — чистойшей формальностью. Плеханов во времена оны много раз поручал это представительство Кольцову, и от этого никогда не бывало никакой беды, хотя Кольцов никуда не годный «парламентарий» и вообще уваленень невозможный. Жму руку. Н. Ленин»¹⁾.

Это письмо, повидимому, наконец, подействовало, и ЦК назначил Ильича своим представителем в МСБ, что видно из письма Вл. Ильича от 25/X.

У. Новая попытка сближения с Плехановым.

Однако, уже 27/X, т.-е. через пару дней после получения известия о решении вопроса о представительстве в МСБ и за три дня до издания манифеста от 17 (30) октября Владимир Ильич, который, казалось бы, должен быть доволен, что заставил ЦК в России отказаться от мысли поручить Плеханову ответственную партийную работу, вдруг срочно пишет ЦК следующее коротенькое послание:

«Пожалуйста, напишите мне тотчас, предоставляете ли вы мне пригласить в наш широкий редакц[ионный] к[омитет] (семеро) и в редакцию «Новой Жизни» Плеханова. Телеграфируйте (подпись Болеслав. Адрес — Крупская): Давид Дюфур з). Да или нет. Я сделаю еще попытку сблизиться с ним, хотя надежды не очень много. Привет»²⁾.

И вслед за этим Владимир Ильич посылает Плеханову следующее чрезвычайно характерное для отношений Владимира Ильича к Плеханову письмо:

«Многоуважаемый Георгий Валентинович!

Я обращаюсь к вам с этим письмом, потому что убежден, что вопрос о необходимости объединения с[оциал]-д[емократии]

¹⁾ У Ленинский Сборник, стр. 515.

²⁾ Там же, стр. 524.

уже назрел окончательно, а его возможность именно теперь особенно велика. Два повода заставили меня не откладывать дальше прямого обращения к вам: 1) основание в Питере легальной газеты с[оциал]-д[емократии] «Новой Жизни» и 2) события последних дней. Если даже эти события не приведут очень быстро к нашему возвращению в Россию, то во всяком случае это возвращение теперь совсем близко, и с[оциал]-д[емократическая] газета дает немедленную почву серьезнейшей общей работы.

Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с вами, это мне вряд ли нужно повторять вам. Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров, Луначарский, Орловский (Воровский), Ольминский и я) обратились к вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию. Но события не ждут, почта прервана, и я не считаю себя в праве откладывать необходимого шага ради одной, в сущности, формальности. По существу, я вполне и безусловно уверен в общем согласии и радости по поводу такого предложения. Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с вами, как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соединения, но готовность объединиться, сознание крайней ненормальности того, что лучшая сила русских с[оциал]-д[емократов] стоит в стороне от работы, сознание крайней необходимости для всего движения в вашем руководящем, близком, непосредственном участии, — все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия.

Но лучше, чтобы это было сегодня, чем завтра. Дела повернули теперь так, что можно опоздать, и мы намерены приложить все усилия, чтобы не опоздать.

Захотите ли вы работать вместе с нами? Я был бы чрезвычайно рад, если бы вы согласились на то, чтобы нам свидеться вдвоем и поговорить на эту тему. Я уверен, что при личном свидании многие недоразумения были бы устранены, многие кажущиеся трудности делу объединения сразу бы отпали. Но на случай, что вы не согласитесь вообще или не согласитесь

теперь, я позволю себе наперед коснуться некоторых из этих трудностей.

Трудности таковы: 1) ваши разногласия со многими членами новой редакции; 2) ваше нежелание входить в одну из двух половин с[оциал]-д[емокра]тии. — Первая трудность, мне кажется, вполне устранима. Наше согласие с вами касается, примерно, $\frac{9}{10}$ вопросов теории и тактики, а ради $\frac{1}{10}$ расходиться не расчет. Вы хотели и хотите исправлять некоторые ошибочные, на ваш взгляд, утверждения в моих произведениях. Но я нигде и никогда не пытался связать кого бы то ни было из с[оциал]-д[емократов] специально своими взглядами, и никто, безусловно никто, из новой редакции не ангажировал себя ни в какие «ленинисты». Речь Барсова (Цхакая) на III съезде выражает в этом отношении общие взгляды ¹⁾. Вы считаете ошибочными философские взгляды трех из названных семи лиц ²⁾. Но и эти трое не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом. И эти трое, — я говорю не на ветер, а на основании известных мне точно фактов — были бы чрезвычайно рады совместной работе с вами. Политически расходиться теперь, в такое время нам с вами, когда ваше общее сочувствие взглядам большинства известно и из вашего реферата, видно из ваших последних произведений, видно косвенным образом из позиции наиболее может быть солидарного с вами Парвуса, — политически расходиться нам теперь было бы крайне нежелательно, крайне неуместно, крайне вредно для с[оциал]-д[емокра]тии.

А новая легальная газета, которая будет иметь аудиторию в десятки, если не сотни, тысяч рабочих, — да и вся завтрашняя работа в России в такой момент, когда ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату, — все это создаст новую почву, на которой всего легче будет забыть старое, спеться на живом деле. Переход от Женевской работы к Питерской — донельзя благоприятный психологически и в партийном отношении переход для пере-

¹⁾ Редакция Ленинского Сборника полагает, что Владимир Ильич имеет в виду ту часть речи тов. Цхакая на III съезде, в которой тот заявил: «мы только социал-демократы, революционные социал-демократы, научные социалисты, марксисты, как и уважаемый тов. Ленин». («Протоколы», стр. 383.)

²⁾ Имеются в виду А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров.

хода от раз'единения к единению, и я сильно надеюсь, что мы не упустим такого момента, которого не было со времени II с'езда и который не повторится, пожалуй, скоро.

Но тут вторая трудность. Вы не захотите, может быть, объединения с одной половиной партии. Вы потребуете, как *conditio sine qua non* ¹⁾, объединения всей партии для вашего участия в деле. Что такое объединение желательно и необходимо, в этом вы вполне правы. Но возможно ли оно теперь? Вы сами склонны отвечать на это отрицательно, ибо предлагали недавно лишь федерацию. Теперь самой широкой трибуной для нашего воздействия на пролетариат является ежедневная питерская газета (мы в состоянии будет поставить издание в 100.000 экземплярах и довести цену до 1 копейки за номер). Мыслима ли теперь коалиционная редакция с меньшевиками?? И мы думаем, что нет. И меньшевики думают, что нет. И вы, судя по вашему предложению федерации, думаете, что нет. Неужели же потребуются три газеты? Неужели для политического органа революционной с[оциал]-д[емокра]тии мы не можем сойтись вместе, когда организационных разногласий у нас собственно никаких нет, и завтрашний переход партии на открытое положение рассеет все остатки опасений насчет заговорщичества. А тактические разногласия наша революция сама сметает с поразительной быстротой, да притом против резолюций III с'езда вы не выдвигали никаких разногласий, а ведь эти резолюции — единственная, связывающая нас всех, большевиков, директива партии.

При таких условиях, кажется мне, ваш переход к нам вполне возможен, и дело будущего объединения он не затруднит, а облегчит и ускорит. Вместо теперешней затяжной, благодаря вашему отстранению, борьбы получится более твердая ситуация всей революционной социал-демократии. От этого и борьба станет более спокойной, более выдержанной. От этого вся широкая масса с[оциал]-д[емократов] сразу почувствует себя уверенно, надежно, — сразу повеет иным духом, и новая газета начнет завоевывать себе с часу на час передовую в с[оциал]-д[емокра]тии позицию, не оглядываясь назад, не разбирая подробностей

¹⁾ *Conditio sine qua non* — обязательное, необходимое условие.

старого, а лишь твердо и выдержанно руководя рабочим классом на теперешнем поле борьбы.

Закончу еще раз просьбой согласиться на наше свидание с вами и выражением нашей общей, большевиков, уверенности в пользе, важности и необходимости совместной работы с вами.

Искренно уважающий вас В. Ульянов ¹⁾.

Произошло ли свидание, о котором хлопотал Ильич, или нет — мне сейчас установить не удалось. Не помнит этого и Надежда Константиновна. Однако, в моей памяти хранится рассказ, слышанный мною во время эмиграции чуть ли не от самого Владимира Ильича, о свидании между ним и Плехановым перед самым отъездом Владимира Ильича в Россию и даже о чрезвычайно дружественном тоне этого свидания. Во всяком случае ощутительных результатов это письмо не дало. «Лучшая сила русских социал-демократов», в «руководящем, близком, непосредственном участии» которого, по словам Владимира Ильича, была «крайняя необходимость», продолжала оставаться в стороне от работы, а поражение декабрьского восстания в Москве еще дальше отбросило Плеханова от нас. Из факта неудавшегося восстания он делал вывод (см. № 4 «Дневника Соц.-Демократа»): «не надо было и браться за оружие». Политическая трещина, отделявшая Плеханова от большевиков, сделалась еще большей.

VI. Период ликвидаторства.

В настроении Плеханова вскоре наступает новый перелом.

Поражение революции породило течение ликвидаторства. Плеханов смог воочию убедиться, к чему приводит последовательный меньшевизм, и он метнулся опять в нашу сторону. В августе 1909 г. он возобновляет свой «Дневник», который в течение 3 лет не выходил. «Мы переживаем кризис, грозящий самому существованию нашей партии», — этими словами объясняет Плеханов возобновление своего «Дневника», и это же обстоятельство заставило его искать сближения с нами. Нечего говорить о том, что Владимир Ильич этому был чрезвычайно рад и изо всех сил ухватился за идею блока с Плехановым.

¹⁾ V Ленинский Сборник, стр. 525—528.

Осенью 1909 г. я бежал из Ангарской ссылки и поселился в Швейцарии в качестве эмигранта. Была самая тяжелая полоса реакции и полный разгул ликвидаторства. Политическая жизнь почти замерла. Из России, вернее из тюрьмы и ссылки, я вывез идею необходимости объединения с меньшевиками-партийцами. Я об этом написал Владимиру Ильичу сейчас же после моего приезда в эмиграцию и, оказалось, что мои взгляды не только вполне совпадали со взглядами Ильича, но, как мне потом говорил тов. Каменев, мое письмо было большой радостью для нашей руководящей тройки (Ленин, Зиновьев, Каменев), ибо оно было чуть ли не первым откликом из России на события последнего времени. Они были чрезвычайно рады тому, что и русские товарищи оценивают события так, как и они.

Я всячески искал свидания с Плехановым, и оно, наконец, состоялось осенью 1910 г., когда Плеханов приехал в Берн для чтения реферата. Об этом свидании и выступлении Плеханова я подробно написал Ильичу и получил от него следующее письмо:

(14 ноября 1910 г., Париж.)

«Дорогой товарищ! Большое спасибо за письмо и вести о плехановской агитации. Нам крайне, крайне ценны теперь все подобные сообщения, позволяющие подробно судить о настроении заграничных с[оциал]-д[емократов]. Я подумываю тоже съездить с рефератом в Швейцарию (Женева, Лозанна, Берн, Цюрих). Не знаю, окупится ли поездка.

Насчет блока с Плехановым, по-моему, вы вполне правы, что мы должны быть за блок. Я стою всецело с 1909 г. за сближение с плехановцами. И теперь еще больше. Только с плехановцами мы можем и должны строить партию — на «впередовцев» и «голосовцев» давно пора махнуть рукой. Ошибка думать, что плехановцы слабы, «нули» (как иногда говорят) и т. п. Это — заграничное впечатление. Я глубоко убежден, что в России ме[ньшеви]ки рабочие на $\frac{9}{10}$ плехановцы. Вся история меньшевизма в революции ручается за то, что плехановство есть лучший продукт (и потому жизнеспособнейший) из пролетарского рула меньшевиков.

Мы с Плех[ано]вым в Копенгагене говорили об издании попул[ярной] газеты. Она необходима... С Плех[ано]вым мы вполне

согласны, ч[то] с Троцким нечего делать. Либо поставим популярную газету при ЦО, либо отдельно от группы б[ольш]евиков. Плех[анов] обещал сотрудничать. Нужны будут деньги — у нас есть самая малость. Надеюсь на всяческую помощь с вашей стороны. Бьемся над постановкой журнала в России (а la «Возр[ождение] и Жизнь»). Нет зацепки, нет секретаря, не через кого наладить — все проваливаются наши люди. Беда! А журнал необходим.

Жму руку. Ваш Ленин» 1).

Однако, решительные действия большевиков опять оттолкнули Плеханова от нас. Энергично поведенная Владимиром Ильичем борьба за конференцию, притом без ликвидаторов и близких к ним групп и вопреки им, испугали колеблющиеся элементы в нашей собственной среде («примиренцы»); тем более они должны были оттолкнуть и действительно оттолкнули Плеханова, и он опять стал медленно отходить от нас. Он опять остался в одиночестве, не примыкая ни к тем, ни к другим. Тем не менее, Плеханов продолжал всегда интересоваться Владимира Ильича, который никогда не терял надежды на то, что Плеханов придет к нам.

В письме ко мне от 12 сентября 1913 г. имеется следующая весьма характерная приписка:

«25 августа вышел в Москве № 1 «Наш[его] Пути». Конфискован. Это — наша ежедн[евная] газета. В Питере 25 августа на собр[ании] 3.000 металлистов ликв[идаторы] разбиты на голову. Имеете ли «Сев[ерную] Правду»? Поздравляю с 2 победами! Эх, втолковать бы Плеханову, что лучше не глупить, не играть в блоки с мертвецами!». (Последняя разбивка моя. — Г. Ш.)

Плеханов однако продолжал «глупить», и в другом письме Ильича ко мне, написанном в октябре 1913 г., имеется следующий постскриптум:

«Про Плех[ано]ва г[овор]ят, будто он послал Мартову «формулу объединения», а М[артов] ответил отказом: не серьезно-де, ибо вы сильно колеблетесь. По-моему, это либо утка, либо перервано жестоко. Не знаете ли источника сей сплетни?».

1) Печатается с разрешения института В. И. Ленина.

Не хотелось Ильичу верить в падение Плеханова, хотелось ему, чтобы это было «либо утка, либо перевернуто жестоко», либо вообще сплетня... Впрочем, было ли это сплетней, или в этом рассказе содержались какие-либо элементы истины, мне установить ни тогда, ни впоследствии не удалось.

VII. Империалистическая война.

Пришла империалистическая война. Владимир Ильич и Зиновьев бежали из Австрии в Берн. Владимир Ильич стал развивать свои тезисы против войны, агитировать за них, распространять их.

Мы долгое время не могли точно узнать, каких взглядов по вопросу о войне держится Плеханов: слухи были разноречивые. Ильича это прямо интриговало. Но вот я узнаю, что Плеханов возвратился из Парижа, где он был захвачен войной, и в такой-то день и час он должен читать реферат в своей (плехановской) группе в Лозанне. Я сообщил об этом Ильичу и Зиновьеву, и мы решили поехать в Лозанну и, не говоря худого слова, «нагрянуть» на собрание, рассчитывая на то, что непрощенных гостей все же не удалят. Мы так и сделали.

В Лозанне мы захватили тов. Мовшовича (Володю Сапожника) и направились на собрание в Народный дом. Плеханова ждали с минуты на минуту. У плехановцев с нашим появлением произошел переполох: попробовали нам «намеркнуть», что в сущности это только узкое собрание «своих», но мы постарались намека не понять. Хотя поезд из Женевы (Плеханов жил в Женеве) давно пришел, но Плеханов все не являлся. Очевидно, на наш счет шли совещания. Наконец, он явился, взобрался на кафедру и, путаясь, повторяясь и смущаясь (совершенно не в духе Плеханова было смущаться), начал говорить, что видит тут много народу, от него, очевидно, ждут какого-то доклада, а у него никакого доклада нет, и делать его не готовился и не собирался. Его пригласили сюда, чтобы побеседовать со своими «единомышленниками», от такой беседы он, конечно, не отказывается, но сейчас уже 3 часа, а в 5 часов отходит его поезд, с которым он обязательно должен уехать. Пусть, мол, товарищи ставят вопросы, какие их интересуют, и он будет отвечать на них.

Маленькое замешательство в зале. Тогда из передних рядов раздается голос члена нашей лозаннской секции тов. Ривлина,

что нас интересует вопрос о войне. — Ну, что же, можно побеседовать и о войне, — сказал Плеханов, и произнес блестящую полуторачасовую речь. Основные мысли его лозаннской речи были потом изложены в его брошюре: «О войне. Ответ тов. З. П.»¹⁾, на которой имеется дата: Сан-Ремо, 27 октября 1914 года. Разница только та, что в своей речи Плеханов высказывался далеко не так решительно, как в своей брошюре. Его речь была настолько дипломатична, что многие присутствовавшие на собрании только впоследствии раскусили его патриотическую позицию. Я лично только на основании построения всей его речи и отдельных фраз смог во время доклада определенно заключить, что он стал на сторону патриотов.

Его критика немецкой социал-демократии была блестящей, и Вл. Ильичу к ней ничего прибавить не пришлось. Когда он перешел к Франции, он нарисовал художественную захватывающую картину пережитого французами в первые дни войны: как каждый из них чувствовал, что бош (ругательная кличка немцев) вдруг на него напал, отнимает и разрушает его благополучие, как французы отправлялись в казармы без всякого энтузиазма, придавленные и без надежды на военный успех. Он не защищал прямо вхождение Геда и др. французских социалистов в министерство, но картина была нарисована таким образом, что не должно было вызвать удивления, как не удивился бы никто, если рабочий с опасностью для жизни бросается в воду, чтобы спасти какую-то тонущую буржуазную даму... Перейдя к думской декларации (общей от обеих соц.-дем. фракций), он не только не осудил ее, но, наоборот, даже похвалил за принципиальную выдержанность, прибавив, однако, что дело, верно, не обошлось без давления большевиков на меньшевистскую часть фракции, и закончил французской поговоркой, что легко маленькой девочке оставаться невинной, так как на ее невинность никто не покушается... А вот немецкую социал-демократию можно сравнить с деблокой девкой, которую прусские юнкера только пальчиком поманили и которая дала себя легко соблазнить и т. д.

¹⁾ На Циммервальдской конференции тов. Коларов сообщил следующие ликантные подробности о «тов. З. П.». Это — некто д-р Захарий Попов, ренегат социализма, к тому же германофил...

Впрочем, тут он вставил и такую фразу, которая уже определенно говорила о его позиции. Как на недостаток думской декларации, он указал, что к ней нужно было бы прибавить: мы еще потому не голосуем за военные кредиты, что не доверяем вашим генералам, которые не умеют воевать и не смогут повести армию к победе...

Хотя из этой фразы еще прямо не вытекало (в особенности если принять во внимание, что он одобрил принципиальную выдержанность декларации), что, если бы царские генералы были способны воевать, то за кредиты голосовать нужно было бы, но уклон уже ясно обозначался, в особенности в связи с какой-то цитатой (которой я, к сожалению, сейчас припомнить не могу) из речи одного из народовольцев — бывшего военного — на суде.

Ильичу для ответа дали 10 минут, а оставшиеся еще 10 минут были предоставлены Плеханову для заключительного слова. В весьма сжатой, но сильной форме Ильичу пришлось разоблачать Плеханова и выводить его на чистую воду. Это было первое публичное выступление Ильича против живого социал-патриота... и этот социал-патриот был Плеханов...

Мы возвращаемся в Берн, и в вагоне беседуем о Плеханове. «Это говорил не представитель российского революционного пролетариата, а самый настоящий француз», — был приговор Ильича. Однако мы все были того мнения, что нарисованная им картина Парижа первых дней войны была сильна, красочна и что пережитое в те дни наложило решающую печать на Плеханова.

— Кто знает? Если бы война застала Плеханова не в Париже, а в Женеве или Сан-Ремо, он, быть может, не поддался бы этому влиянию, не пошел бы по наклонной плоскости и, возможно, был бы с нами...

Плеханов умер патриотом, но отказался войти в министерство, которое должно было воевать против большевиков, так как он знал, что рабочие за большевиков.

Пятнадцать лет Владимир Ильич воевал против Плеханова, но влюбленность его в Плеханова никогда не проходила, даже в самые острые моменты борьбы. Она не прошла у него и после смерти Плеханова.

Г. Шкловский.

Письмо Г. В. Плеханова в МСБ.

«Женева, 16 июня 1905 г.

Дорогой товарищ! Спешу ответить на ваше письмо. Вот факты: II съезд нашей партии, состоявшийся в 1903 г., создал центральные учреждения, которых не было раньше: Совет, ЦК и ЦО. Но на самом съезде произошло расхождение по организационному вопросу, вызванное тем, что одни товарищи были настроены более централистически, чем другие.

Это расхождение все усиливалось, так что через несколько месяцев можно было опасаться раскола в нашей молодой партии.

Поняв всю пагубность такого раскола, ЦК сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить его. К несчастью, в начале 1905 г. все члены ЦК, за исключением двух, исчезли... Двое оставшихся членов встали на сторону ультра-централистов и решили созвать III съезд, о котором говорит упоминаемое вами письмо.

По уставу съезд мог быть созван лишь в силу постановления Совета, высшего учреждения партии, и по требованию половины действующих в России комитетов.

Таким образом, действия ЦК были совершенно произвольными (*entièrement arbitraires*). Но ультра-централисты, состоявшие в открытой оппозиции Совету, с радостью последовали за ним. Они съехали на съезд, на котором присутствовала часть комитетов, самими ультра-централистами названных «болотом». Благодаря такому союзу ультра-централистов с «болотом», делегаты на новом съезде представляли что-то около половины полноправных организаций.

Эта-то половина партии и приняла те резолюции, о которых говорится в письме тов. Ульянова. Она-то и издает теперь от имени всей партии «центральный» орган «Пролетарий». Другая половина группируется вокруг старого ЦО «Искра».

Таким образом, мы на свой лад выполнили резолюцию Амстердамского конгресса: мы раскололись. В виду этого я прошу вас заметить, что ни одна из частей не имеет права говорить от имени всей партии. В виду этого же и все суммы, которые я буду впредь получать для социал-демократической партии, я буду делить на две равные части. Обе фракции просили меня продолжать быть представителем РСДРП в Международном Бюро. Я не отказался: в данном вопросе мне нетрудно быть беспристрастным.

Я не стою ни за тех, ни за других и думаю, что в нынешних обстоятельствах раскол — великая ошибка, быть может, непростительная.

Вот, товарищи, искренний ответ на ваши вопросы.

С своей стороны, я прошу вас возможно скорее известить меня, полагаете ли вы, что, при известных вам ныне обстоятельствах, я могу продолжать представлять мою партию в Международном Бюро.

Примите и пр.

Г. Плеханов.

P. S. Так как единство в настоящее время необходимо, и разногласия между двумя фракциями ничтожны, вы хорошо сделали бы, дорогой товарищ, если бы обратились к ним с предложением своего посредничества для восстановления единства).

(«Красная Летопись». — «Ленин и Международное Социалистическое Бюро в 1905 г.», стр. 119—120, № 1 (12), 1925 г.)

Приложение 2-е.

Письмо В. И. Ленина в МСБ, от 24 июля 1906 года.

В секретариат Международного
Социалистического Бюро в Брюсселе.

Дорогие товарищи! Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо от 28 июн[я] и вместе с ним интересные документы (письма английских товарищей и Плеханова), но, будучи крайне заняты, мы не имели возможности вам ответить немедленно.

Что касается письма тов. Плеханова, то мы принуждены сделать следующие замечания: 1) Утверждение тов. Плеханова, будто после II с'езда нашей партии (авг. 1903 г.) между нами разногласия только по организационному вопросу, не вполне соответствует действительности. «Меньшинство» II с'езда (с тт. Аксельродом, В. Засулич и Мартовым во главе) фактически раскололо партию немедленно после с'езда, объявив бойкот выбранному с'ездом центральным учреждениям и создав тайную организацию «меньшинства», распущенную лишь осенью 1904 г. Сам тов. Плеханов, бывший на нашей стороне на II с'езде партии и с'езде Лиги русских соц.-дем. (окт. 1903 г.), был, очевидно, несколько иного мнения о наших разногласиях, когда публично объявил в № 52 «Искры» (ноябрь 1903 г.), что нужно умело делать уступки «ревизионистам» (выражение Плеханова), чтобы избежать раскола в партии. 2) Не соответствует действительности и утверждение, будто III с'езд партии был созван «совершенно произвольно».

По уставу партии Совет обязан созвать с'езд, коль скоро этого требует половина комитетов. Совет, как вам известно из резолюций III с'езда, переведенных на французский язык, игнорировал устав партии. Комитеты партии и избранное ими «Бюро комитетов большинства», были морально и формально обязаны созвать с'езд, хотя бы против воли Совета, уклонявшегося от его созыва. 3) Из тех же резолюций III с'езда вы знаете, что на этом с'езде было представлено не «что-то около половины полных организаций», а значительное большинство наиболее крупных комитетов. 4) В нашей партии, действительно, есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены этого «болота», в продолжение раздоров в недрах нашей партии, беспрестанно переходили с одной стороны на другую. Первый из этих перебежчиков был тов. Плеханов, который еще в ноябре 1903 г. перешел от «большинства» к «меньшинству», чтобы снова покинуть «меньшинство» в мае сего года, выйдя из редакции «Искры». Мы никоим образом не одобряем таких поворотов, но, думаем, нельзя ставить нам в вину, что

товарищи из «болота», после бесконечных комбинаций, решили присоединиться к нам. 5) В письме к Бюро (16—6—05) тов. Плеханов очень не кстати забыл упомянуть свое письмо от 29 мая 1905 г., напечатанное в «Искре» (№ 101), точный и полный перевод которого мы вам уже доставили. 6) Говоря о другой, «искровской», фракции партии, тов. Плеханов опять-таки забывает прибавить, что конференция «меньшинства» (май 1905 г.) отменила устав, выработанный на II съезде, и не создала нового центрального органа. Мы полагаем, что Международное Социалистическое Бюро должно иметь точный перевод всех резолюций конференции. Если же «Искра» не захочет их послать в Бюро, мы готовы взять это на себя. 7) Тов. Плеханов говорит, что за созыв III съезда высказались лишь два уцелевшие члена ЦК (остальные были арестованы). Письмо тов. Плеханова помечено 16—6—05; на следующий день, 17-го в № 4 «Пролетария», центрального органа партии, созданного III съездом, было помещено следующее заявление: «Ознакомившись с открытым письмом ЦК к председателю совета партии тов. Плеханову и будучи совершенно солидарны с ЦК, мы находим необходимым — по причинам, которые поймут товарищи, оведомленные в ходе дел внутрипартийной жизни, — заявить о нашей солидарности с ЦК публично». Подписи-псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон. Конфиденциально мы можем вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам ЦК. Следовательно, лишь только члены ЦК узнали о конфликте между ЦК и тов. Плехановым (а, значит, и Советом) по вопросу о созыве съезда, большинство их тотчас высказалось за ЦК против тов. Плеханова. Мы настоятельно просим Международного Секретариата известить нас, счел ли тов. Плеханов нужным ознакомить Бюро с этим важным заявлением арестованных членов ЦК, совершенно опровергающим утверждения тов. Плеханова в его письме от 16 июня? 8) Тов. Плеханов ошибается, говоря, что обе фракции просили его оставаться представителем партии в Международном Бюро. До сих пор ЦК нашей партии не обращался ни с какой просьбой по этому поводу. Как мы вам сообщали несколько дней тому назад, вопрос этот еще не решен окончательно, хотя и поставлен на очередь. 9) Тов. Плеханов полагает, что ему нетрудно быть беспристрастным в вопросе о наших разногласиях. После же всего вышеизложенного, мы полагаем, что это ему еще довольно трудно, а в настоящий же, по крайней мере, момент почти невозможно.

Перехожу к предложению тов. Бебеля, имеющему отношение к данному вопросу.

Тут мне необходимо сделать следующие замечания: 1) Я только один из членов ЦК, ответственный редактор ЦО партии «Пролетарий». За весь ЦК я могу решать только граничные дела, некоторые другие специально мне порученные. Во всяком случае все мои решения могут быть отменены общим собранием ЦК. Я не могу, следовательно, решать вопроса вмешательства Бюро в дела нашей партии, но я немедленно отослал в Россию всем членам ЦК ваше письмо, а также письмо тов. Бебеля и Плеханова. 2) Чтобы ускорить ответ ЦК, было бы весьма полезно получить от Бюро некоторые необходимые разъяснения: а) Нужно ли понимать под словом «вмешательство» (intervention) только примирительное посредничество и совет, имеющие

лишь моральную, но не принудительную силу. б) Или же Бюро имеет в виду обязательное решение при посредстве третейского суда; с) предлагает ли исполнительный комитет бюро предоставить право окончательного и безапелляционного решения по вопросу о наших разногласиях Общему Собранию Международного Социалистического Бюро. 3) С своей стороны считаю себя обязанным сообщить для сведения Бюро, что тов. Бебель за несколько времени до III с'езда сделал уже подробное предложение мне и моим единомышленникам, предлагая нам свои услуги или услуги всего правления немецкой партии (Parteivorstand) в качестве третейского судьи в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится с'езд партии, и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. III с'езд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу БКБ. 4) Так как Международное Бюро считает возможным черпать сведения в некоторых немецких газетах, я вынужден заявить, что почти все немецкие социал. газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipz. Volksztg.» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию партии. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III с'езда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую соц.-дем. пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской соц.-дем.

Примите, дорогие товарищи...

Н. Ульянов.

(«Красная Летопись», № 1 (12), 1925 г.)